

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

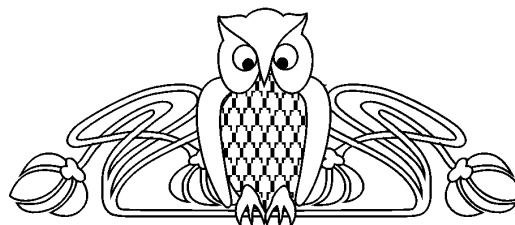
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 110–117
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 110–117

Научная статья

УДК 323

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117>

Антиномии стратегических культур Запада и Востока (на примере Германии, Франции и Китая)

А. И. Ухорская[✉], Е. Ю. Кирилина, К. Е. Кожухова

Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38

Ухорская Анастасия Игоревна, магистрант 2-го курса (направление «Политология»), an_ukhorskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8474-5402>

Кирилина Елизавета Юрьевна, магистрант 2-го курса (направление «Политология»), liz.kirilina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9205-2961>

Кожухова Кира Евгеньевна, преподаватель кафедры политологии, kira.kozhuhova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1725-3042>

Аннотация. Долгое время стратегической культуре как феномену и концепции не придавали большого значения. В настоящее время западные исследователи понимают, что стратегическая культура имеет непосредственное влияние на принятие политических решений в сфере внешней политики. Изучение стратегической культуры Франции, ФРГ и Китая может способствовать оптимизации политического курса России на мировой арене

Ключевые слова: безопасность, внешняя политика, Германия, Китай, Франция, концепция, оборона, Российская Федерация, стратегическая культура

Для цитирования: Ухорская А. И., Кирилина Е. Ю., Кожухова К. Е. Антиномии стратегических культур Запада и Востока (на примере Германии, Франции и Китая) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 110–117. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117>

Antinomies of the strategic cultures of the West and the East (On the example of Germany, France, and China)

Anastasia I. Ukhorskaya[✉], an_ukhorskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8474-5402>

Elizaveta Yu. Kirilina, liz.kirilina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9205-2961>

Kira E. Kozhukhova, kira.kozhuhova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1725-3042>

Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Abstract. Strategic culture, as a phenomenon and a concept, was not taken seriously for a long time. Today, western researchers understand that strategic culture has a direct impact on political decision-making process in foreign policy. The study of the strategic culture of France, Germany, and China can help to optimize the Russian policy on the world stage.

Keywords: security, foreign policy, Germany, China, France, concept, defense, Russian Federation, strategic culture

For citation: Ukhorskaya A. I., Kirilina E. Yu., Kozhukhova K. E. Antinomies of the strategic cultures of the West and the East (On the example of Germany, France, and China). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 110–117 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В мире, который характеризуется размыванием ценностных ориентиров, государственных границ и национальных экономик, все большее значение начинает приобретать вопрос о страте-

гическом мышлении в политике¹. Одновременно тенденция государств защитить и сохранить свою национальную и культурную идентичность становится все более очевидной. В XXI в. в обла-

сти государственного управления и обеспечения национальной безопасности все большее распространение приобретает понятие «стратегия», которое прежде использовалось преимущественно в военной сфере.

Авторы ставят своей целью выявить основы стратегической культуры (далее – СК) стран Западной Европы (Франции и Германии), а также Китая посредством сравнительного и ретроспективного анализа истории государств и обществ, анализа их официальных документов в области обороны, безопасности и государственного управления. Зарубежные и российские исследователи сходятся во мнении относительно феномена СК, считая его центральным в цепочке самоидентификация – стратегическая культура – внешняя политика.

Понимание же содержания СК позволяет ставить долгосрочные внешнеполитические цели и задачи и с их учетом обеспечивать устойчивое развитие и безопасность. Изучение СК Французской Республики, ФРГ и Китая будет способствовать налаживанию диалога России с указанными игроками, выстраиванию отношений на международной арене. И, наоборот, игнорирование СК крупных игроков будет иметь отрицательные последствия.

Стратегическая культура в научном дискурсе

СК является «совокупностью динамичных историко-культурных, лингвистических, социально-политических и этнических характеристик»², которые представляют собой основу для постановки долгосрочных целей развития страны, а также определяют действия государств в области внешней политики и политики безопасности. Некоторые ученые связывают понятия «военная культура» и «стратегическая культура», где первая выступает как составная часть второй.

Концепция СК часто вызывала споры в научных кругах, особое значение она приобрела в рамках развития конструктивизма, для которого важны отношения между субъектами, придающие смысл материальному миру. Сюда входят нормы, культура, исторические особенности, конкретные модели поведения государства в сфере внешней политики³. Данный подход направлен на поиск индивидуальных признаков государств, которые определены его политической системой, политическими институтами, историей, традициями, нормами, устоявшимися в обществе.

Исследователи концепции СК схожи во мнении о том, что последняя может коренным образом повлиять на принятие политических решений и на поведение государства на международной арене. Так, Кен Буз в труде «Стратегическая культура: достоверность и ее определение» приходит к выводу, что именно СК формирует подходы определенной страны к решениям, свя-

занными с войной и миром⁴. Г. Экштейн, в свою очередь, полагает, что понимание и реализация особенностей, о которых говорилось выше (ценности, нормы, культура, верования) образуются в течение длительного времени⁵. По мнению Д. Шнайдера, К. Грея, СК оказывает непосредственное влияние на политику безопасности и обороны отдельно взятой страны⁶. При этом невозможно отрицать своеобразие СК Германии, Франции, Китая, России и англосаксонского мира.

Франция: демонстрация самостоятельности и великодержавности

Относительно феномена СК Франции уместно говорить о влиянии военной культуры, где существенную роль играет ядерный потенциал страны. Более того, изучение французской политической теории и практики показывает, что определение СК может быть расширено за счет признания особой роли личностного фактора, равноценного другим компонентам.

Историко-культурные характеристики СК Франции уходят корнями в XVI в., когда французы осознали себя как нация⁷. Важную роль сыграли и годы правления Людовика XIV, когда складывалась идея величия и могущества как часть национальной политической культуры⁸. В итоге Франция стала стремиться играть особую роль не только в Европе, но и в мире. В период бонапартистских империй французское общество и государство стали воспринимать себя исключительными и избранными, «великой нацией». Культурная политика государства в этой связи направлялась на «обеспечение “блистания/сияния” (rayonnement) Франции в мире»⁹: распространение французского языка и культуры, транслирование универсальных ценностей гуманизма и просвещения. Кроме того, для Франции характерно развитое гражданское общество, которое действительно принимает участие в решении государственных задач со времен Великой французской революции с ее идеями свободы, равенства и братства.

Вместе с тем, как замечает Р. Арон, понятие «могущество» (puissance), расцениваемое французскими политологами как «способность одной политической единицы навязать свою волю другим и не дать другим навязать ей свою волю»¹⁰, наглядно характеризует участие Франции в международных делах в XX в. После падения империи Бонапарта в 1814 г., поражения во франко-прусской войне в 1870 г., военного провала в 1940 г. Франция все же сумела сохранить статус державы и вошла в число стран-победительниц во Второй мировой войне. Во многом это удалось благодаря участию страны в военно-политических союзах. Тем не менее компонентом исторической памяти, национального менталитета и,

следовательно, СК стали опасения перед мощью, организованностью и интеллектом «военной машины» Германии¹¹. Их удалось преодолеть во многом благодаря позиции Шарля де Голля.

В годы противостояния США и СССР Ш. де Голль артикулировал национальные стратегические максимы. В этот период Франция, обладая ограниченными экономическими ресурсами, сумела обеспечить военно-политическую независимость за счет создания собственных ядерных сил. Она отстаивала и право на самостоятельную внешнюю политику и активно вела разработку собственной концепции национальной обороны и внешней политики. Идея голлизма проходит красной нитью в стратегических программных документах Французской Республики XXI в.

В XX столетии дуализм французской нации и государства сменился на переплетение трех векторов – национального, европейского и атлантического. Франция «балансирует» между ними, что проявляется: 1) в силе национального духа, свободе, стремлении быть мировой державой; 2) в интеграционных процессах в Европе, цели выступать лидером в Европе, если не впереди, то наравне с Германией; 3) в «умных» отношениях с США в решении мировых вопросов, а также особой политико-стратегической точке зрения в отношении НАТО.

Де Голль в 1960-х гг. сформировал курс страны на долгосрочную перспективу, заложив основы концепции внешней политики и политики безопасности для будущих президентов страны независимо от их политических предпочтений. «Концепция национальной идентичности и независимости» – именно так можно охарактеризовать сложившийся голлистский курс Пятой республики, опирающийся на ряд принципов.

1. Основным элементом стратегии де Голль считал нацию, поскольку именно она, по его мнению, обеспечивает выживание государства в мире¹². Поэтому национальная стратегия Франции должна быть независимой и абсолютно самостоятельной.

2. Союзы необходимы, но они не вечны. В 1966 г. Франция вышла из военной организации НАТО. Де Голль выступил противником этой организации, заявив, что Франции следует рассчитывать на собственный военный потенциал и избегать зависимости извне¹³.

3. Ядерное оружие – фактор обеспечения статуса великой державы.

4. Стратегия обороны «по всем азимутам» – идея глобального сдерживания во имя мира.

Преемники голлистского наследия, последующие руководители страны негласно следовали заложенной де Голлем концепции развития, поскольку голлизм стал основой французского стратегического мышления¹⁴.

Неотъемлемым компонентом французской СК является нахождение страны в «ядерном клубе». Обладание ядерным оружием особым обра-

зом концептуализирует политику национальной безопасности. Ядерная политика отличалась новизной: магистральные линии развития обороны были обсуждены и одобрены французским гражданским обществом, что получило законодательное закрепление¹⁵. Де Голль поставил на первое место вопросы оборонной политики, в итоге ядерная концепция поныне лежит в основе стратегической мощи Франции: оборонная деятельность «является самой достойной среди всех видов деятельности»¹⁶ и «требует прежде всего определенного состояния духа нации и властей»¹⁷. В «Белой книге» Франции 1972 г. ядерный арсенал Республики стал расцениваться в качестве средства оборонной политики для достижения стратегической независимости и обеспечения политики сдерживания¹⁸.

В геополитическом плане французская СК имеет континентальную природу¹⁹. Вместе с тем ценность земли в качестве составляющей СК Франции претерпела ряд изменений в связи с появлением ядерного оружия, которое способно уничтожить планету. Развитие военно-морских сил также стало приоритетным направлением во внешней политике, поскольку флот является основным держателем ядерных ресурсов Франции²⁰. В настоящее время отмечается разрыв между континентальной СК и новой ролью военно-морских сил, которые обладают основными средствами ядерного сдерживания.

В оценке перспектив интегрирования французской обороны с европейской или атлантической де Голль исходил из того, что «оборона Франции должна быть французской»²¹. Руководство страны не рассматривало слияния ядерных сил с какой-либо другой страной или блоком стран, так как это «прямо противоречит традициям великого государства»²². Именно поэтому де Голль отказался от идеи Европейского оборонного сообщества в 1954 г. и вывел страну из НАТО в 1966 г. По его мнению, «Европейская оборона должна опираться на Францию и под руководством француза»²³. Построить же единую Европу с едиными вооруженными силами возможно, но только начиная с нации, французской нации. Особые отношения Франция имеет с Североатлантическим альянсом. Отличительной чертой французской СК является неприятие диктата со стороны союзников и сохранение статуса союзника «сложного и требовательного».

В Белой книге 2013 г. указаны приоритеты военной стратегии: защита, сдерживание (ядерное) и вмешательство²⁴. Вместе с тем уточняется, что ядерное сдерживание является высшей гарантией суверенитета Французской Республики. В Стратегическом обзоре 2017 г. такой подход развивается и дополняется: «...стратегия ядерного сдерживания ... является высшей гарантией наших жизненно важных интересов, нашей независимости и в более широком плане нашей свободы принятия решений»²⁵. Считается,

что силы ядерного сдерживания играют основополагающую роль в существовании государства, в ощущении Францией себя в мировой политике при принятии решений в области стратегии, обороны и безопасности.

Согласно Белой книге 2013 г.²⁶, НАТО рассматривается в качестве института, существование которого не противоречит национальной автономии и свободе выбора и принятия решений, а ядерный потенциал Франции вносит свой вклад в развитие оборонных, ядерных и других возможностей союзников Альянса. В Стратегическом же обзоре 2017 г. НАТО оценивается как ключевой элемент европейской безопасности. При этом противоречивым представляется утверждение, что европейскому сообществу следует стремиться к построению общей (совместной) стратегической автономии в области обороны.

Таким образом, СК Франции присущи демонстрация самостоятельности и великодержавности, глобальные претензии, ее смысловыми единицами выступают территория, нация, армия, ядерное оружие. Вместе с тем позиция Франции на мировой арене характеризуется дуализмом: Пятая республика стремится сохранить роль лидера европейского сообщества, артикулируя идеи создания совместного стратегического поля, лидером которого видит себя. При этом французское руководство понимает необходимость диалога с НАТО и Россией, поскольку исторически территория государства расположена «между двух огней», и позиция «лабиринта» между ними сохраняется.

Стратегическая культура Германии между традициями и политическими реалиями

В ФРГ исследованиями СК начали заниматься только в 80–90-е гг. XX в.²⁷. СК в Германии воспринимается как символическая система, которая обеспечивает четкую основу для так называемого стратегического сообщества при принятии крупных стратегических решений, особенно в отношении использования военной силы в международной политике²⁸.

Исследуя СК Германии, нужно учитывать особенности исторического развития страны. Германия на протяжении длительного периода не была единым государством. Разделение на множество монархий в Средние века и в Новое время, на два государства (после краха Третьего рейха) в идеологическом, экономическом и социальном плане в полной мере до сих пор не удалось преодолеть. После поражения ФРГ пришлось подстраиваться под западных соседей и восточных одновременно. Одним из проявлений своего рода «синдрома побежденной нации» на долгое время стали неприятие использования военных средств в политике, утрата части суверенитета и предпочтение многостороннего пове-

дения для интеграции Германии в западный мир, не оскорбляя восточный блок. Страны-победительницы существенно повлияли на политику послевоенной Германии. По мнению редактора немецкого журнала «Internationale Politik», выпускаемого Германским обществом по внешней политике, П. Хокеноса, «параметры взаимоотношений Германии с остальным миром были в существенной степени определены ее западными союзниками, уроками нацистского прошлого, геополитическими обстоятельствами холодной войны и реалиями разделенной Германии»²⁹.

Важным фактором СК стала необходимость преодоления последствий тоталитарного прошлого, что до сих пор влияет на внешнюю политику страны. Тем не менее, несмотря на «историческую тягостность», специалисты вполне обоснованно усматривают признаки экспансии в политическом курсе и Западной Германии в период существования двух немецких государств после Второй мировой войны³⁰. Сегодня Германия заявляет о проведении оборонной политики, сочетающейся с планом избежать всякого подобия гегемонистских стремлений. Германия выступает против увеличения военного бюджета, что стало одной из причин конфликта между США и ФРГ. В 2013 г. Германия потратила 1,3% своего бюджета на военные расходы НАТО, в то время как Великобритания – 2,4%, Франция – 1,9%³¹.

Кроме того, принятие решений в политической сфере для Германии осложнено ограниченной свободой действия исполнительных органов власти. Бундестаг следит за деятельностью правительства. Часто и Бундесвер называют «армией парламента». Исключением, выходящим из-под контроля парламента, является Федеральный совет безопасности. Установившееся разделение властей – часть политической системы Германии, которая сложилась в том числе под влиянием норм и ценностей.

В этих условиях в послевоенной Германии сложилась своеобразная система гражданско-военных отношений, позволяющая реализовать принцип примата политических установлений по отношению к вооруженным силам. Причем в немецкой военной и политической культуре нашли свое отражение достижения военной мысли прежних лет. Во всем мире признаны идейные достижения Клаузевица, Мольтке, Шлиффена и других немецких мыслителей. Уместно упомянуть и о том, что первый в истории генеральный штаб появился в Пруссии. Во многом благодаря образцовой интеллектуальной организации генштаба и эффективному использованию военной силы Германия была объединена («железом и кровью») и после победы над Францией стала империей. В немецкой традиции военного управления важное место занимает и в настоящее время так называемая тактика поручений (Auftragstaktik)³².

После объединения Германии стратегия и стратегическая культура ФРГ не могли не претерпеть изменений. Распад Советского Союза, окончание холодной войны, завершение противостояния двух военных блоков отразились на СК Германии. На передний план вышли такие проблемы борьбы с экстремизмом, терроризмом, этнонациональными конфликтами, которые происходят близ границ Германии. Отношение к использованию военной силы стало другим. Однако многие государственные деятели в Германии опровергали это, полагая, что ценности и нормы, сложившиеся после краха Третьего рейха, не поменялись. Характерна в этом отношении оценка бывшего министра иностранных дел ФРГ Й. Фишера: «После объединения в основных параметрах внешней политики не было радикальных изменений. Такие константы, как географическое положение, интересы, ценности и история, остались прежними»³³.

Хотя нормы и ценности остались прежними, Германия изменила их интерпретацию применительно к военной сфере. До 1990 г. политика ФРГ стояла на том, чтобы заручиться поддержкой западных держав для обеспечения своей безопасности. Военная политика после объединения страны предусматривала усиление собственных позиций и рост международного престижа, Германия начинает более активно отстаивать свои интересы.

Одна из западных ценностей, которая была принята ФРГ: права и свободы человека, также изменилась. Такое понятие, как ответственность Германии за мир, появилось из-за повышения ее престижа на международной арене. Если раньше в Германии под ответственностью понималось неиспользование военной силы, то теперь данное понятие полностью изменило полярность. Сегодня под ответственностью понимается возможность использования вооруженных сил в разных уголках мира с целью защиты свобод и прав человека. Поменялось отношение к Бундесверу: теперь армия могла участвовать не только в военных конфликтах за пределами Германии с целью предотвращения нарушения прав и свобод человека, но и в гуманитарных миссиях по всему миру.

На практике новая военная стратегия получила свою реализацию при действиях Германии в Косово. Решение было принято новым коалиционным правительством СДПГ и «Зелёных» в 1998 г. Впервые со времен Второй мировой войны немецкие военные участвовали в боевых действиях за пределами своей страны. К концу XX в. все партии, за исключением, пожалуй, Партии демократического социализма, приняли новые ценности в сфере безопасности обороны ФРГ. При коалиционном правительстве СДПГ и ХДС/ХСС военные операции и развитие в военной сфере стали одними из приоритетных задач.

Стоит также отметить, что немецкие исследователи уделяют большое значение изучению и пониманию СК России. Они отмечают, что самый главный мотив политического курса России – обеспечение национальной безопасности³⁴. Россия не раз указывала Западу на последствия вмешательства в зону своих интересов. Однако эти сигналы были проигнорированы. Как обоснованно полагают немецкие исследователи, с началом кризиса на Украине в 2014 г. Россия осознавала, что ей придется реагировать, а в случае необходимости – заплатить весьма высокую цену. Тем не менее Россия действовала, руководствуясь своей СК.

Анализируя же доктринальные документы Германии, можно проследить политику «двойных стандартов» по отношению к России. В основном стратегическом документе ФРГ в сфере безопасности, Белой книге 2016 г., Россия определена как вызов политике безопасности и обороны Германии. Вместе с тем немецкое правительство признает роль России в поддержании Европейской безопасности. Этому способствует целый ряд факторов: Россия граничит с ЕС, наша страна является постоянным членом Совета безопасности ООН. Россия остается и одним из основных экономических и энергетических партнеров Германии. В результате, с одной стороны, Германия выступает за продолжение и ужесточение санкционной политики по отношению к России, с другой стороны, демонстрирует намерение действовать прагматично и продолжать строительство «Северного потока-2».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что СК Германии отличают богатые традиции военного искусства и военного управления, отсутствие полноценного суверенитета. После объединения в Германии происходит пересмотр взглядов на военную стратегию и СК. ФРГ стремится защищать и отстаивать свои интересы, изменить свой статус на международной арене.

Китай: идеи Сунь Цзы в действии

Китайская стратегическая культура является поистине ярким политическим феноменом, отличаясь самобытностью, уникальным самоопределением нации и видением миропорядка. Феномен СК незримо существовал в Китае как элемент традиционной культуры, философии и военных канонів. Основными элементами китайской СК являются гармония (особое видение мироустройства «с китайской спецификой»), китаецентризм (отражает пространственное мышление как характерную черту СК Китая, открывающую желание занять главенствующие позиции в современном мировом порядке), высокий уровень исторической памяти.

Специфика многотысячелетней СК обнаруживается в правительственных документах и заявлениях первых лиц Китайской Народной Республики. Целесообразно выделить следующее.

1. Трансляция идеи безальтернативного китаецентричного мира и безусловного лидерства Китая.

Глобальные устремления КНР проявляются не только практически в каждом современном доктринальном документе, но и в более ранних, например, 50-х³⁵ и 70-х гг.³⁶ XX в. В Конституции КНР в редакции от 2018 года неоднократно повторяется мысль о неотделимости страны от остального мира, об общности будущего Поднебесной и международного сообщества, об исключительной роли Китая в развитии всего человечества³⁷.

Официальная позиция излагается и в Белой книге «Китай и мир в новое время», опубликованной в 2019 г. Согласно документу, «влияние Китая на мир никогда не было таким всеобъемлющим, глубоким и долгосрочным, как сегодня; внимание мира к Китаю никогда не было таким обширным, глубоким и целенаправленным»³⁸. В тексте неоднократно повторяется идея «огромного вклада Китая в мир и развитие во всем мире» в разных синонимичных вариациях, что, по некоторым оценкам, отражает современный тренд китайской «тихой» экспансии³⁹. Аналогичная мысль о безусловном лидерском потенциале Китайского государства заложена в белых книгах «Китайская политика сотрудничества в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе»⁴⁰ 2017 г., «Политика Китая в Арктике»⁴¹ 2018 г. и докладе председателя КНР Си Цзиньпина на XIX съезде КПК в 2017 г.⁴²

Причины для «закономерного» лидерства Китая раскрываются китайскими властями не только в заявлениях о «наращивании международного влияния Китая, его притягательной и формирующей силы»⁴³, но и в акцентировании на «великолепной китайской культуре». Тем самым КНР позиционирует себя по-конфуциански мудрым государством, по-прежнему окруженным «варварами», которому самим Небом предначертано занимать позицию лидера, и подчеркивает свою роль «доброй растущей державы», «передовика», создающего будущее всей мировой политической системы, всего человечества.

2. Масштабность выбора сфер внешнеполитического влияния и долгосрочность стратегического целеполагания.

«Решительно выступая против гегемонизма и колониализма»⁴⁴, Китай, тем не менее, фактически декларирует претензии на значительные сферы внешнеполитического влияния ввиду наличия глобальных устремлений и желания «возродить великую китайскую нацию» в ее исторической целостности.

Так, исходя из содержания Белой книги «Национальная оборона Китая в новую эру», в сферу зарубежного влияния КНР входят Европейский союз, Российская Федерация, США, Африка, Латинская Америка и южная часть Тихого океана. С некоторыми из указанных стран Поднебесная

установила в настоящее время тесное военное сотрудничество⁴⁵. При этом в ряде регионов сегодня наблюдается реальное китайское военное присутствие или экономическое влияние⁴⁶. Отдельно правительство Китая выделяет Арктический регион, подчеркивая, что «Китай – важный участник арктических дел. Китай географически “приарктическая страна” и одна из самых близких к Полярному кругу стран на суше. Природные условия и изменения в Арктике имеют прямое влияние на климатическую систему и экологическую среду Китая и, в свою очередь, связаны с экономическими интересами Китая»⁴⁷.

Масштабность внешнеполитического влияния Китая идет рука об руку с долгосрочностью целеполагания в курсе развития страны, традиционной для Китайского государства, что проявилось еще до вступления в социалистическую эпоху. В частности, в докладе на XIX съезде КПК Си Цзиньпин подчеркивал, что необходимо развивать в долгосрочной перспективе идеи марксизма-ленинизма, Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, тройного представительства, научной концепции развития, коллективной мудрости партии и народа, важную составляющую теоретической системы социализма с китайской спецификой «великого возрождения китайской нации» в два этапа с 2020 до 2049 г. («цель двух столетий»)⁴⁸.

Тем самым мы видим характерную для Китая долгосрочную установку политического курса – сохранять существующие достижения и идеалы китайского народа и адаптировать их к изменениям мира.

3. Приоритизация концепта «века унижения» и желания компенсации «неудач».

Понятие «век унижения»⁴⁹ можно назвать базисом современного китаецентризма и всего внешнеполитического курса КНР, так как именно этот исторический период вошел настолько глубоко в историческую память китайцев, что отражается практически во всех современных доктринальных документах, официальных выступлениях и докладах на съездах КПК. Так, в Преамбуле Конституции КНР уже в четвертом предложении говорится о том, что «историческая задача антиимпериалистической и антифеодальной борьбы китайского народа не была полностью решена»⁵⁰. Поскольку Конституция Китая прошла редакцию в 2018 г., но это положение изменено не было, можно утверждать, что идея борьбы занимает одно из центральных мест в основном законе государства.

Ответом на несправедливость столетнего иностранного гнета стала стратегия, суммирующая чаяния китайского народа, желание достичь глобального первенства под названием «цель двух столетий» (или же «возрождение великой китайской нации»), которую объявил Си Цзиньпин в самом начале своего председательства⁵¹. Вместе с тем и до начала 2010-х гг. идея исторического реванша так или иначе фигурировала

в китайских доктринальных документах и, что немаловажно, в Конституции. После «века унижения» Китай нацелен «превратить <...> страну в богатое, могучее, демократическое, цивилизованное, гармоничной и прекрасное социалистическое государство для реализации цели великого возрождения китайской нации»⁵².

Тем самым можно прогнозировать, что желание Китайского государства возродить былое величие сохранится во внешнеполитических установках народа современной Поднебесной.

Проведенный анализ официальных китайских доктринальных документов позволяет сформулировать видение основных внешнеполитических установок Китая, которые детерминированы его национальной СК.

Во-первых, Китай намерен вернуть себе главенствующее место в мировом порядке и «возродить великую китайскую нацию» с учетом наличия особой «великолепной китайской культуры» и «огромного вклада», который он вносит в человеческое развитие. Для установления мирового господства Поднебесной необходимо создание «сообщества единой судьбы человечества», функционирующего в соответствии с логикой «китайской мудрости» и «китайских решений».

Во-вторых, зарубежные интересы Китая должны быть настолько обширными, насколько это необходимо стране для осуществления долгосрочного стратегического планирования всестороннего развития страны, поскольку повсеместное китайское присутствие приравнивается к аналогу миротворчества вкупе с долгосрочными интересами выживания.

В-третьих, руководство Китая считает необходимым закончить антиимпериалистическую и антифеодальную борьбу народа и претворить в жизнь «китайскую мечту», взяв за основу концепт «века унижения», и компенсировать ущерб, нанесенный западными странами, Россией и Японией.

В заключение отметим, что внешнеполитическая концепция Китая и ее установки оставались практически неизменными в течение многих веков существования государства, так как СК входит не только в философские основания внешнеполитической мысли Поднебесной, но и пронизывает институциональные особенности Китая, диктует стиль руководства и механизм принятия внешнеполитических решений.

Изложенное выше понимание содержания и направленности СК Франции, Германии и Китая свидетельствует об их существенных отличиях. При этом современную систему международных отношений в ее динамичном и статичном измерениях правомерно рассматривать и как результат постоянного взаимодействия и столкновения СК.

Изучение СК, выступающей важным источником выявления predispositions крупных игроков к конкретным действиям, способствует прогнозированию проводимого ими

политического курса. Отсюда ясно, что понимание основ СК ключевых игроков современного мира является важным для разработки политического курса современной Российской Федерации, обеспечения ее безопасности.

Примечания

- 1 См.: Белозёров В. К. Дефицит стратегического мышления и императивы его преодоления. Размышления после Венской конференции по стратегии // Власть. 2020. Т. 28, № 1. С. 19–26.
- 2 Михайленок О. М. Глобальное политическое управление и стратегическая культура // Российская элитология : инновационные ответы на вызовы современного мира. Материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием (Ростов-на-Дону, 15–16 февраля 2019 г.). Ростов н/Д : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2019. С. 3.
- 3 См.: Ожиганов Э. Н. Стратегическая культура : понятие и направления исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Политология. 2012. № 2. С. 91–102.
- 4 Там же.
- 5 См.: Daase C., Junk J. Strategische Kultur und Sicherheitsstrategien in Deutschland // Sicherheit und Frieden. 2012. Bd. 30, № 3. S. 152–157. DOI: 10.5771/0175-274x-2012-3-152
- 6 Ibid.
- 7 См.: Климов С. Н. Военная культура Франции XX века (Социально-философский анализ). М. : Военный университет, 2001.
- 8 См.: Обичкина Е. О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире. М. : МГИМО, 2003.
- 9 Косенко С. И. Культурная политика как атрибут «мягкого могущества» Франции // Власть. 2012. № 2. С. 24.
- 10 Aron R. Paix et guerre entre les nations. P. : Calmann, 1984. P. 58.
- 11 См.: Белозёров В. К. Клаузевиц, война и обретение смыслов : опыт философской рефлексии Раймона Арона // Философские науки. 2020. Т. 63, № 1. С. 40–65. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2020-63-1-40-65>
- 12 См.: Messmer P. Les conceptions stratégiques du général de Gaulle face au monde de 1990 // Défense nationale. 1990. № 514. P. 13–24.
- 13 См.: За профессиональную армию. Идеи Шарля де Голля и их развитие в XX веке // Российский военный сборник. Вып. 14. М. : Военный университет, 1997.
- 14 См.: Манжоло В. А., Шаповалова А. И. Внешняя политика Франции : изменилась ли доктрина голлизма? // Современная Европа. 2014. № 4. С. 84–96.
- 15 См.: Белозёров В. К. Гражданское общество и формирование политики безопасности и обороны России // Вестник аналитики. 2009. № 1. С. 94–101.
- 16 *Gaullie Ch. de. Lettres, notes et carnets. Vol. III. P. : Plon, 1981. P. 283.*
- 17 *Gaullie Ch. de. Discours et messages. Vol. III : Avec le renouveau (1958–1962). P. : Plon, 1970. P. 294.*

- ¹⁸ См.: Livre blanc sur la défense nationale 1972. P. : Direction de l'information légale et administrative, 1972.
- ¹⁹ См.: Colson B. La culture stratégique française // Stratégique. 1992. № 53. P. 27–60.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Gaulle Ch. de. Discours et messages. Vol. III. P. 387.
- ²² Зинченко А. В. Ядерная политика Франции. М. : Едиториал УРСС, 2010. С. 90.
- ²³ Ларкан А. Армия и национальная оборона : преобладающие и неизменные концепции мышления Шарля де Голля // За профессиональную армию : Идеи Шарля де Голля в XX веке / под ред. А. Е. Савинкина, И. В. Домнина. М. : Военный университет, 1997. С. 249.
- ²⁴ См.: Livre Blanc Défense Et Sécurité Nationale 2013. P. : Direction de l'information légale et administrative, 2013.
- ²⁵ Revue stratégique de défense et de sécurité nationale 2017. P. : DICOd – Bureau des Éditions, 2017. P. 6.
- ²⁶ См.: Livre Blanc Défense Et Sécurité Nationale 2013.
- ²⁷ См.: Booth K. Strategic Culture : Validity and Validation // The Oxford Journal on Good Governance. 2005. Vol. 2, № 1. P. 25–28.
- ²⁸ См.: Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr / Bundesministerium für Verteidigung (Hrsg.). Berlin : Bonifatius GmbH, 2016.
- ²⁹ Eckstein H. A Culturalist Theory of Political Change // American Political Science Review. 1988. Vol. 82, iss. 3. P. 792. DOI: <https://doi.org/10.2307/1962491>
- ³⁰ См.: Белозёров В. К. Понятия «народ» и «нация» в российском и международном политическом и научном дискурсе // Вестник Российской нации. 2019. № 5 (69). С. 118–125.
- ³¹ См.: Eitelhuber N. Analyse : Die strategische Kultur Russlands – Russland begreifen. URL: <http://www.bpb.de/internationales/europa/russland/analysen/216947/analyse-die-strategische-kultur-russlands-russland-begreifen> (дата обращения: 27.07.2020).
- ³² См.: Белозёров В.К. Примат политики в действии. Об изменениях в системе руководства и управления вооруженными силами ФРГ // Вестник Академии военных наук. 2012. № 4. С. 25–29.
- ³³ Fisher J. Berlin's Foreign Policy // Transatlantic Internationale Politik. 2000. Vol. 1. P. 2.
- ³⁴ См.: Gerhold L., Schiller J, Beck M.-L. Perspektiven der Sicherheitsforschung. Beiträge aus dem Forschungsforum Öffentliche Sicherheit. Frankfurt a/M : Peter Lang, 2012. S. 77–95.
- ³⁵ См.: Китай выступает за пять принципов мирного сосуществования // Министерство иностранных дел КНР, 2000. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliaoj_674904/wjs_674919/2159_674923/t8987.shtml (дата обращения: 10.09.2020).
- ³⁶ См.: Двенадцатый съезд Коммунистической партии Китая // ЦК КПК, 2007. URL: http://www.gov.cn/test/2007-08/29/content_730394.htm (дата обращения: 10.09.2020).
- ³⁷ См.: Конституция КНР (ред. от 2018 г.). URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 10.09.2020).
- ³⁸ Белая книга «Китай и мир в новое время» // Правительство Китая, 2019. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-09/27/content_5433889.htm (дата обращения: 10.09.2020).
- ³⁹ Морозов Ю. В. Глобальные позиции Китая и перспективы их развития в XXI веке // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXV / отв. ред.-сост. Е. И. Сафронова. М. : ИДВ РАН, 2020. С. 83.
- ⁴⁰ См.: Белая книга «Китайская политика сотрудничества в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» // Правительство Китая, 2017. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/36088/Document/1539911/1539911_2.htm (дата обращения: 10.09.2020).
- ⁴¹ См.: Белая книга «Политика Китая в Арктике» // Правительство Китая, 2018. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/37884/Document/1618193/1618193.htm> (дата обращения: 10.09.2020).
- ⁴² См.: Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации, 2017. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/19sjd/t1507487.htm> (дата обращения: 10.09.2020).
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Конституция КНР (ред. от 2018 г.).
- ⁴⁵ См.: Белая книга «Национальная оборона Китая в новую эру» // Правительство Китая, 2019. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/39911/Document/1660529/1660529.htm> (дата обращения: 10.09.2020).
- ⁴⁶ См.: Морозов Ю. В. Указ. соч. С. 80–95.
- ⁴⁷ Белая книга «Политика Китая в Арктике» // Правительство Китая, 2018. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/37884/Document/1618193/1618193.htm> (дата обращения: 10.09.2020).
- ⁴⁸ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК.
- ⁴⁹ Белая книга «Китай и мир в новое время».
- ⁵⁰ Конституция КНР (ред. от 2018 г.).
- ⁵¹ Си Цзиньпин выступил на форуме с важной речью о дипломатической работе в соседних странах, подчеркнув : «Стремление к созданию благоприятной окружающей среды для развития Китая» // Новости Коммунистической партии Китая, 2013. URL: <http://src.people.com.cn/n/2013/1026/c64094-23333683.html> (дата обращения: 10.09.2020).
- ⁵² Конституция КНР (ред. от 2018 г.).

Поступила в редакцию 30.11.2020, после рецензирования 02.12.2020, принята к публикации 05.12.2020
 Received 30.11.2020, revised 02.12.2020, accepted 05.12.2020